
Анатолий Слепцов

Белый вертолет

Рассказ

Антон, проснувшись в темноте, не мог понять, где он находится: то ли в больнице, то ли дома или еще где? Постепенно разглядел прямоугольник окна без штор, увидел черное небо с редкими звездами и вспомнил, что вот уже два месяца работает по контракту в захолустном северном городке. Больничное начальство сняло для него однокомнатную квартиру рядом с местом работы.

«Наверно, это сродни окопной болезни Некрасова — невесело вспомнил он военный роман Шолохова — он также спросонья не мог разобрать, где находится: то ли в блиндаже, то ли в хате...»

Прислушавшись, Антон понял, что его разбудило — снизу, с первого этажа, раздавались женские стоны и ритмичный скрип. «А я, как тот же рядовой Некрасов, давно уже позабыл, как пахнет под мышками у жены», — подумал он.

С женой Антон развелся. Всю совместную жизнь они проработали вместе в одной больнице, но вот характер Антона довел его до нынешнего состояния. «Посеешь характер — пожнешь судьбу...» Сначала за его прямолинейность и строптивость новое руководство нашло способ избавиться от него. Потом и жена, не желая одна тащить на шее безработного мужа и двоих детей, подала на развод. Так Антон стал БОМРом¹ и БОМЖем² одновременно...

С одной стороны, хирургов всюду не хватает — молодежь, выпускаемая местным мединститутом, не хочет лезть в то пекло, в которое превратили практическое здравоохранение реформы последних лет. С другой стороны, компьютеризация всего и вся, новые технологии в продвинутых больницах не позволяли сельскому врачу быть востребованным в городе.

Поэтому, когда однажды позвонил главный врач больницы, находящейся в Заполярье, он не стал отнекиваться — ведь нужно было платить алименты на содержание детей. Вдобавок ко всему старой матери Антона скоро должно было исполниться семьдесят лет. Организация юбилея, естественно, требовала больших денег. Вот так он и оказался в этой неуютной квартирке...

Понимая, что уснуть ему все равно не удастся, Антон шумно поднялся с кровати, нарочно топая ногами прошел в ванную, умылся, побрился и начал одеваться.

Слепцов Анатолий Игнатьевич — прозаик, поэт. Член СП РФ с 2014 г. Родился в с.Бытык-Кюель Таттинского улуса. Окончил лечебный факультет медицинского института Якутского государственного университета им.М.К.Аммосова, врач-хирург высшей категории. Выпускник Высших литературных курсов при Литинституте им.А.М.Горького.

¹ БОМР — аббревиатура, означающая «без определенного места работы».

² БОМЖ — без определенного места жительства.

Сегодня предстоял санрейс, отмененный вчера вечером из-за нелетной погоды. Где-то на заимке пьяный старик якобы упал и ударился головой о железную печку, расшибся до крови. Пьяная старуха по спутниковому телефону подняла на ноги все службы и родню. А на дворе темень — куда вертолету садиться? Кто там, в тайге, разложит сигнальные костры? Вот и отложили рейс до утра.

Дочь старика, живущая в Якутске, где-то раздобыла номер телефона Антона (возможно его «слила» фельдшер скорой, которую тоже «достали») и всю ночь названивала с требованием поднять вертолет, грозила всеми карами, если старик умрет от кровопотери. Антон пытался ей объяснить, что он не командует вертолетом, но женщина не слышала его. В конце концов Антон отключил телефон.

Крыльцо больницы было замечено снегом. «Видимо, Ленин в мавзолей еще не вернулся», — подумал Антон. Рабочий больницы, которого за лысину и бородку прозвали партийной кличкой вождя мирового пролетариата, уже неделю был в запое. Пройдя по хитроумным коридорам «мавзолея», Антон поднялся в хирургию. В отделении вроде бы все было спокойно.

Антон загрузился инструментарием и медикаментами для оказания помощи и спустился на скорую. Его отвезли в аэропорт к вертолету. Лететь предстояло на обычном — красного с синим цвета — вертолете, на котором тут перевозили пассажиров, продовольствие и все остальное. В разговорах местные определяли цвет этого универсального вертолета в зависимости от содержимого: Если он вез овощи-фрукты, то говорили «зеленый» вертолет, если вез алкоголь — «веселый» вертолет, если летели по санавиации — «белый» вертолет.

К слову сказать, где-то «в реале» существовал такой вертолет, недавно с помпой приобретенный минздравом, который был действительно белого цвета и оборудован для медицинских нужд аппаратурой и всем необходимым. Но базировался он в другом районе, не арктическом по статусу. Видимо, аренда земли под его колесами была там дешевле, и таким образом минздрав сэкономил кое-какие деньги.

Итак, сегодня с утра вертолет был «белый» — внутри сняли часть сидений и установили держатели для носилок с двумя брезентовыми носилками. Вдобавок у Антона были складные носилки — складывались по длине и пополам, что в тайге гораздо удобней.

Спасатель МЧС был уже на месте — предстояла посадка в лесу и нужна была грубая физическая сила для пробивания тропы к избушке с раненым, потом еще надо будет тащить его к вертолету. Если тот дожид до утра... С другой стороны, если страдалец дожид до утра, значит все не так уж и плохо с его здоровьем.

Сквозь вой двигателей взлетающего вертолета спасатель прокричал Антону на ухо обстановку:

— Избушка располагается на берегу реки в ста пятидесяти камэ вверх по течению. Там что-то типа заброшенной деревни. Лететь полчаса. Возможно, сядем на реке — могут быть торосы. Тогда придется тащить больного на носилках метров двести-триста по глубокому снегу. Помощников там нет — со стариками живет сын, но он одноногий инвалид, с протезом. Отморозил года три назад. Может, найдем какой-нибудь щит да и волоком дотащим...

Антон только кивнул. Он теперь уже со скепсисом смотрел на вычурное изобилие носилок на борту вертолета и с сомнением думал об их необходимости и пользе.

К месту подлетели, когда уже окончательно рассвело, поэтому видимость была хорошая. Внизу стояли полуразвалившиеся дома и сараи, замеченные снегом. Только из трубы одного крайнего домика вился дымок. Вертолетчики облетели заброшенную деревню по кругу, высматривая место для посадки, и начали снижаться на прогалину с мелкими деревьями. Антон с напряжением смотрел в иллюминатор на деревья, которые могли задеть винты, но вертолетчиков по-видимому ничуть не беспокоила их близость. Из кабины пилотов выскочил мужичок с какими-то сержантскими лычками на синем свитере, кажется, борт-техник. Он открыл дверь, лихо спрыгнул вниз на снег, отбежал и, присев, начал руками подавать команды пилотам, выравнивая посадку

вертолета. Потом он подбежал, приставил лестницу к двери, и Антон со спасателем выгрузились в снежную метель, поднятую винтами вертолета. «Сержант» махнул рукой, показывая направление движения, и нагруженные медицинским скарбом врач со спасателем пошли к лесу. Там за деревьями должна была стоять хижина, которую они видели сверху.

Снег был глубокий, спасатель пробивал дорогу, но Антону от этого было не легче. Пройдя шагов двадцать, Антон стал задыхаться и внезапно почувствовал резкую боль в груди. От неожиданности Антон охнул и присел, хватаясь за грудь, казалось, сейчас сердце не выдержит этой боли и разорвется. Спасатель ушел за деревья, а вертолет стоял позади, вздымая вокруг себя снежную завесу, и пилоты не могли видеть врача.

«Этого еще не хватало... Прилетел спасать больного и, не дойдя, сам же и окоचурился... — невесело подумал Антон. — Надо идти». Поднявшись, опираясь на складные носилки, он побрел дальше. Кое-как продравшись сквозь деревья, увидел домик на сваях и с высоким крыльцом. Спасатель, дожидаясь врача, стоял у крыльца и разговаривал с каким-то мужичком неопределенного возраста. Подойдя к ним, Антон кое-как отдышался. Потом все вместе поднялись в дом.

В полумраке избушки, возле двери, сидел старичок с забинтованной головой, одетый в дорогу и с каким-то потерявшим цвет полиэтиленовым пакетом на коленях. Когда гости зашли, старичок бодро вскочил на ноги и спросил:

— Чо, полетели?

Спасатель усадил его обратно:

— Тихо, не гони лошадей...

Антон достал тонометр, измерил давление, затем, попросив спасателя включить фонарь на телефоне и осветить ему, снял бинт с головы больного и осмотрел рану. Рана была неглубокая, надкостница вроде бы была цела, кровотечения нет. Достал стерильный бинт и заново забинтовал голову старика. В груди Антона все также болело.

Из глубины хижины раздавалось какое-то бормотание, видимо пьяная бабка что-то бубнила во сне. Снова одевшись, старик громко крикнул в темень:

— Я поехал!

— Ну и х... с тобой! — внятно раздалось в ответ.

Посмеиваясь, все вышли на улицу. На крыльчке старика слегка шатнуло — сказывалась либо кровопотеря, либо количество выпитого вчера. Одноногий сын старика, несмотря на протез, сноровисто достал откуда-то капот машины довоенных времен с проволочной ручкой, усадил на него отца, и со спасателем вдвоем они потащили больного к вертолету. Антон, переведя дух, уперся своими носилками на импровизированные салазки и стал подталкивать сзади.

Вертолет все так же вихрил снег, ветер от лопастей задувал за шиворот, бил по глазам. Пригнувшись, все втроем дотащили больного, старик сам поднялся на борт и лег на боковые сидения, подложив под голову свой пакет. Разрумянившийся спасатель, заскочив внутрь, сразу лег на брезентовые носилки, висевшие на держателях. Антон, к собственному удивлению, как-то отяжелел и не смог с первой попытки подняться по лесенке. Боль в груди отдавалась в левом плече так, что невозможно было поднять руку. Борт-техник посадил его, и Антон, опираясь о боковые сиденья, прошел вглубь и сел напротив старика. «Сержант» убрал лестницу, закрыл дверь и вертолет взлетел.

Боль в груди не унималась. Антон пошарил в своей сумке, поискал лекарства, но ничего из сердечных препаратов в хирургическом наборе не оказалось. «Надо бы лечь, может станет лучше...» — подумал он и лег, вытянувшись на сиденьях. Ломило десну, сердце сбивалось с ритма, и он понимал, что это, похоже, инфаркт. «Заработанных денег должно хватить матери... на юбилей и на...» — успел подумать напоследок Антон.

«Белый» вертолет на фоне синеющих вдали гор, блестя на солнце красными боками, в просторной утробе безучастно несет двух спящих пассажиров и мертвого врача, у которого открытые невидящие глаза устремлены на кружок неба в иллюминаторе напротив...